

Однажды он вспомнил Чечню

О новом фильме Романа Балаяна "Две луны, три солнца"

19.
Культура-1998-
11-13 июня - СЧ

Кадр из фильма

Очень сложные впечатления от нового фильма Романа Балаяна.

Если даже никаких его картин вы не видели, есть одна, которую, думается, знают все — это "Полеты во сне и наяву". Потому, наверное, и новую его работу в Доме кино представлял Олег Янковский.

Я смотрела этот фильм вместе с давней, еще с "Московского комсомольца" подругой, не имеющей никакого отношения к кинематографу, но зато долгое время прожившей в 90-м, когда начались первые погромы, когда произошел инцидент со съемочной группой фильма "Афганский излом", и знаменитого Микеле Плачидо вывозили из Душанбе на БТР.

Я спросила ее — так как сама много раз бывала в этой удивительно прекрасной и гостеприимной стране, — как могло случиться, чтобы такой именно народ, такие именно люди, добрее и приветливее которых я не видела в жизни,

могли обрушиться на русских.

Она мне тогда ответила — что уехала вовсе не от таджиков, со многими из которых дружила (и, кстати, дружит до сих пор), она уехала — да, наверное, вот от этой волны ненависти, которая порой возникает непонятно откуда.

Вот и Балаян задело черное крыло этой ненависти. И как и его герой Алексей, наполовину русский, наполовину чеченец, ученый-археолог (Владимир Машков), он, Балаян, тоже не смог остаться в стороне от этой жгучей современной проблемы. И стал другим Балаяном, который вдруг многим не понравился.

Не могу и про себя сказать, что не испытала некоего шока от встречи с этим новым Балаяном — уж очень не похоже на того, прежнего, которого мы все так нежно любили.

Правда, не скажешь ведь, что и прежний Балаян стоял совсем уж в стороне от политических бурь своего века. Сегодняшнему зрите-

лю даже трудно себе представить, что, скажем, тонкая, психологическая картина "Полеты во сне и наяву" в свое время подверглась сильнейшей обструкции "сверху". Ее просто было приказано обругать — за политическую и социальную инфантильность, идущую вразрез с генеральной линией. Как можно представлять такого бесхребетного и вялого типа, каким якобы был персонаж Янковского, чуть ли не героем нашего времени?

Или "Филер" — картина, которую как раз очень мало кто знает и, если честно, мало кто досмотрит до конца. До такой степени она, с одной стороны, балаяновская, то есть как будто сотканная из ничего, а с другой — сугубо злободневная и актуальная: ведь хотя действие происходит во время первой мировой войны, речь идет о сути предательства как такового.

Сюжет фильма "Две луны, три солнца" можно изложить в нескольких словах. Совершенно

случайно Алексей, о котором здесь уже упоминалось, узнает, что его брат (по отцу) вместе с двумя "боевиками" сожжен в Чечне заживо русским офицером-контрактом — неким Максименковым Юрием Пафнутьевичем (отчество и фамилия не распространены, и Алексею удастся в обычном справочном бюро узнать его адрес).

Вот так Алексея втягивают в водоворот чеченских событий, хотя все действие фильма разворачивается на улицах Москвы.

Чем дальше пишу эти заметки о фильме Балаяна, тем громче хор голосов, не принимающих его. Но в таком случае неудачным можно назвать и фильм Шахназарова "День полнолуния". Почему? Да потому что он тоже очень непохож на другие фильмы этого режиссера. Шахназаров всегда почти (может быть, за исключением "Цареубийцы") делал картины, нравящиеся зрителю: что может быть более популярного, чем "Мы из джаза" и "Зимний вечер в Гаграх"?

И вдруг — такой поворот. Чувствуется, что здесь режиссеру было не до зрителя — надо было выразить что-то свое, кровное. Я не удивляюсь, когда Шахназаров говорит, что он шел к этой картине пятнадцать лет. В ней нет ни сквозного действия, ни сюжета, ни "единых" героев (за исключением двух-трех случайно мелькнувших персонажей).

Но в ней есть поиск и стремление найти себя новым — в наше время, время беспринципных шлягеров, это почти подвиг.

Вот отсюда снова возвращаемся к Балаяну.

Бродит по Москве (кстати, снятой очень необычно, в необычных ракурсах, так что и коренной москвич не узнает) старый чеченец, весь заросший седой щетиной. Роль чеченца играет знаменитый украинский актер Константин Степанков. Почему украинец? Потом понимаешь — это замысел, ведь и герой Машкова, наполовину чеченец, хотя, может быть, и в Чечне никогда не был. "Я стоял в стороне", — постоянно повторяет он.

А замысел в том, что каждый из

нас, именно в этой стране, в любую минуту, если захочет, может узнать, что он мордва, башкир, калмык. Или тот же чеченец — на какую-то, пусть малую часть. И никогда для нас это не имело значения. А сегодня вдруг обозначилось.

В картине есть такой эпизод — лучший, на мой взгляд: двое, Алексей и старик-чеченец, бредут по ночной Москве, и вот из ее загадочного сумрака этот чеченец неожиданно возникает перед нашим героем как вечный укор за брата. И вдруг наезжает с визгом машина, выскакивают два омоновца (или спецназовца — не различаю): "Проверка документов!" У Алексея все в порядке. А старик что-то лепечет, что живет рядом, документов не взял. Алексей пытается его защитить, те, естественно, не слушают: "Ах, ты москвич?" — кричат они старику. И страшный удар в пах. Потом затаскивают в машину. Но старик успел выбросить свой пистолет в мусорную урну. Алексей его подбирает. Это сцена сдвигает его сознание — позиция "над схваткой" приходит конец...

При этом Балаян, как и Шахназаров, терпит немалые поражения на своем новом пути. Так, неудачен, на мой взгляд, герой Машкова со всеми его рефлексиями, припадками — сейчас уже такая манера игры в кино не проходит, тем более у Балаяна, вершиной которого был стиль Янковского. Понятно, что в этой картине и нельзя было играть в стиле Янковского. Но и истерика Машкова тоже не убеждает.

...Как мы уже говорили, творчество Балаяна нельзя назвать "чистым искусством", да есть ли оно вообще? Но всегда та или иная проблема у него тонко просвечивала сквозь причудливую, ажурную, психологическую вязь. Здесь он впервые как бы оторнул ее и вышел один на один с прямой публицистикой. Картину он посвятил брату, погибшему в одной из региональных войн.

Валентина ИВАНОВА